

СОВЕТСКАЯ БАШКИРИЯ

ПЕРЕДАЧА называлась «Актуальное интервью». После премьеры. Шла она полчаса. Не часто наше телевидение удостоивает создателей спектакля столь срочной и достаточно обширной передачей. Но это, пожалуй, действительно особый случай: на сцене Башкирского академического театра драмы поставлена диалогия по пьесам драматурга Азата Абдуллина «Последний председатель» и «Последний патриарх». Азат Хамматович принародно поблагодарил постановщика Р. В. Исрафилова, и это сделал бы на его месте любой другой драматург. Постановка сразу двух пьес, связанных одной темой и одним героем, а два вечера — явление на таком уж частое. Попутно отмечу, что «Последний патриарх» тяжело пробивался на сцену. Первым поставил пьесу Тюменский драматический театр, и именно — как дилогию.

В другой раз в удивительном присоединился бы к тем рецензентам, которые упали в разных газетах опубликовать свои добрые отзывы и оценки. Постановка пьес А. Абдуллина, интересного драматурга, выдвинутого на соискание премии имени Салавата Юлаева 1988 года, в самом деле стала заметным явлением в нашей застоявшейся культурной жизни.

Но «Актуальное интервью» увало меня в область иных мыслей и проблем. И побудило к этому немногословное, но весьма характерное для последних лет выступление Рифката Исрафилова. Ваше счастье, сказал он примерно так, обращаясь к А. Абдуллину, что вы сформировались как автор в Москве, ибо здесь мы пошли бы дальше наших местных драматургов. Что ж, художественный руководитель академического театра имеет право публично высказывать свои мысли. Особенно в пору гласности. Более того — обязан высказываться! Хочу воспользоваться таким правом и я.

В последние годы почти во всех интервью корреспондентам газет, радио и телевидения Исрафилов сетует на отсутствие добротной башкирской драматургии.

Что ж, сетования эти во многом не обоснованны. Сегодня башкирская драматургия в целом не может похвастаться яркими удачами, произведениями, получившими широкий резонанс. Не будем пока брать во внимание те из них, о которых следует говорить в прошедшем времени. Это отставание особенно разительно прослепает на фоне перестройки, коснувшейся всех сторон нашей жизни. Как и в прежние годы, слабо, без должной проблемности и остроты отражается явления производственного характера, экологии, нравственных отношений, столь активно проявившихся в последние времена в республике.

Нельзя забывать и о том, что жанр драматургии имеет свои законы. Непроизвольно исходя из того посылка, что «нет пророков в своем отечестве», театральные деятели ищут «корма» на стороне. Словом, наличие острый дефицит жанра. Пьес много, а нужных, отвечающих запросам и требованиям театра, — единицы. Значит, прав художественный руководитель академического, если воскликнете вы, чего же ради огород гордиться! Увы, причина для этого все-таки есть.

Пьеса без сцены — что душа без тела, сказал кто-то из театральных мастеров. Истинная ценность драматургического произведения проявляется только на сцене, в напряженной работе автора, режиссера

и со стороны комиссии, просматривавшей репертуар театра перед московскими гастролями. Но по непонятным причинам спектакль на них не попал и вскоре сошел с афиши, хотя мог быть своеобразной визитной карточкой республики. Та же участь постигла очень задушевенную и лирическую пьесу И. Абдуллина «Сны бывают недолгими». Да, что говорить, иные спектакли, поставленные по пьесам того же А. Мирзагитова, Ф. Богданова, И. Юмагулова сходили на нет, едва мелькнув на афише. Не значит ли ныне в репертуаре «Красный паша», получивший широкую прессу и снятый на пленку Центральным телевидением. Именно этой пьесе Н. Асанбаева была присуждена премия министра

Назара Наджи. И что должен чувствовать М. Чанов, называя пьесы которого «могут быть, что-нибудь что-нибудь знаешь? дважды аносисось в соседние афиши планируемых постановок, но пьеса так и не была поставлена? И какой психологический барьер должны перешагнуть стерлитамакцы К. Акбашева или В. Гумеров, чтобы осмелиться предложить театру свои пьесы? А ведь работа с молодыми отнюдь не снята еще с повестки дня. Однако впечатление такое, что для руководства театра чем меньше драматургов, тем лучше, спокойнее. Во всяком случае, всегда можно оправдать любое пополнение репертуара произведениями со стороны. В частности, из ар-

народные артисты РСФСР, мнужа очередную ступень. На меньшая реклама сопровождала очередную инсценировку Р. Исрафилова по повести Мустаа Карима «Поминовения». Тем не менее, в прошлогодних гастрольях театра в Казахстане и Киргизии спектакль не имел успеха, а на фестивале покая в Кивее, а затем в Уфе был подвергнут резкой критике. В той метаморфозе, которая произошла с Р. Исрафиловым за время его работы в Башкирском академическом театре, нельзя забыть его одного. Причастие к его творчеству высокого чиновного лица, которое почти автоматическим образом его от всякой критики, предоставило вседозволенности действий, создало круг

жающий суть народной судьбы и народного характера? Ведь именно такой спектакль «Олонхо — это мы» снискал широкую славу Якутскому драматическому театру. Пререкскими образцами таких спектаклей стали «Козы-Корпеш и Баян-Слуу» и «Кобланды», поставленные в свое время А. Мамбетовым на сцене Казахского театра драмы им. М. Ауэзова. Или у нас некому создать подобную пьесу? Или не в Башкирии вышло уникальное 18-томное издание произведений народного творчества?

Нет, о каком-то «социальном» заказе драматургу в нашем театре разговора пока не ведется, хотя право эксперимента делает это вполне возможным. Повторю: пьеса, как произведение искусства, находит свое полное выражение только на сцене. Вот почему драматурги остро нуждаются во внимании к себе со стороны театра, в добром его отношении. Только в атмосфере полной творческой раскрепощенности могли в свое время вырасти такие выдающиеся артисты, как Арслан Мубарак и Зейтуна Бикбулатова, Газим Тукаев и Бедер Юсупова, Галимьян Керашев и Рагиза Янбулатова. На них ходили. Их имена были у всех на устах. Следовательно, в добром и внимательном отношении нуждаются и сами актеры.

Есть, конечно, творческие личности и сегодня. Однако, боюсь, что нет у них той самой раскрепощенности и истинной творческой атмосферы, чтобы развернуться в полную силу, найти свою роль. Именно своей сокровенной роли не дождался прекрасная актриса Гюль Мубаракьяева. Ушел в режиссеру телевидения Хамит Яруллин. Вынужден был покинуть театр популярнейший артист Ильшат Юмагулов — именно из-за несогласия с политикой художественного руководителя, что он и высказал на общем собрании. Однако критики здесь не любят. Поэтому не входит в число членов художественного совета единственный очередной режиссер В. Сайфуллин. Все это сказывается на общем состоянии дел, отбывает от театра даже самых ярких его поклонников. Недаром Башкирский академический театр в 1987-м «экспериментальном» году потерял по сравнению с предыдущим годом 40 тысяч зрителей. Не слишком ли много для сравнительно небольшого помещения, вместимостью 800 человек?

Наше театральное искусство очень нуждается сейчас во внимании и заботе. Так не лучше ли, отбросив в сторону взаимные обиды и упрямки, объединить усилия в этом благородном деле? Мысли об этом и заставили меня обратиться с письмом в редакцию.

Газим ШАФИКОВ.

ЧТО ЗА РАМПОЙ?

Письмо в редакцию

и актерского коллектива. На так ли родились эти спектакли («В ночь луного затмения» (режиссер Ш. Муртазин), «Матери ждут сыновья» (Р. Исрафилов), «Красный паша» (Л. Валеев)? Не удивительно, что именно за режиссуру пьесы Асхата Мирзагитова Рифкат Исрафилов был удостоен премии им. Салавата Юлаева, а песни, написанные к постановке молодым тогда композитором Римом Хасановым, получили широчайшую популярность. В напряженном освоении и одолении разнородного материала родились такие несомненные удачи, как «Чужая звезда» по пьесе классика финской драматургии Х. Вуолийоки, «Святая святых» И. Друц, «Пещи Махмута Мустаа Карима. Да, были успехи, находки, аплодисменты. Но я всегда полагаю, что главный режиссер должен душой болеть за свой театр в целом, а значит, и за спектакли, поставленные также и очередными, подчиненными ему режиссерами. И не в меньшей степени, что и за свои. А как же иначе? Ведь речь идет о чести, репутации его театра! Точнее, я так полагаю, пока не столкнулся с жизнью театра практически. И практика показала, что отношения главного режиссера к своим и чужим работам далеко неоднозначны.

Пьеса «Жизни счастливый миг» А. Мирзагитова посвящена жизни нефтяника, которая, как это ни парадоксально, больше чем слабо отражена в нашей драматургии. Поставленная режиссером Сайфуллиным, она так или иначе выражала дух нашего края, «кореников» его промышленности. Положительные отзывы о ней бы-

культуры СССР во время московских гастролей, было дано право показа в Сирии. О том, что драматург беззастенчиво выбрал своего героя — замечательного сына башкирского народа, одного из первых полководцев Советского государства на Ближнем Востоке, говорится в статье о Кариме Хакимова в газете «Известия» за 31 января сего года. Ев прислал из столицы Йемена Саны специальный корреспондент газеты. Внезапная смерть народного артиста РСФСР Хусаина Кудашева, великолепно исполнявшего роль Корюда, не могла стать веской причиной для выведения спектакля — замену можно было найти. Но этого не произошло.

Примеры презрительного отношения к работам других режиссеров со стороны художественного руководителя можно продолжить. Испытал это на себе и я. С одной стороны, он вроде бы отставал мои вещи на драмсекацию, давал им ход. С другой, уже после года или двух лет показа они «продвигались» телевидению со ссылкой на стереотипную, а главное, бесповоротную причину «падения интереса» к ним. А на самом деле, чем успешнее шел спектакль, тем скорее он стирался с афиши. И вот я думаю: не результат ли такого отношения к драматургам затанувшее молчание одного из ведущих наших мастеров А. Мирзагитова, или трудное возвращение на сцену опытного Ф. Богданова? Добротной его пьесе «Измена предкам» пришлось преодолеть массу искусственных препятствий. Именно такое отношение отравило от драматургии одного из интеллигентных башкирских авторов

сигнала автор братской Татарии. И еще — оправдать обилие инсценировок, по числу которых Башкирский академический, наверное, занимает одно из первых мест в Российской Федерации. Добавим: инсценировок своего художественного руководителя.

В последнее время принято считать, что в связи с преимущественным развитием прозы (по сравнению с той же драматургией) предпочтительно ставить инсценировки лучших произведений прозаиков. Отсюда обращение к Ч. Айтматову, В. Астафьеву, В. Распутину, другим ведущим писателям страны. Какие же выдающиеся качества обнаружил Рифкат Вакилович в повести Т. Тагирова «Галия», с инсценировкой которой связанная целая эпопея башкирской сцены? В прошлом году появился специальная афиша, извещающая о 150-й, «юбилейной» постановке «Галии». Побиты все мыслимые и немыслимые рекорды — и в числе постановок за кратчайший срок, и в цене билетов, которые почему-то были резко завышены, и беспрецедентной рекламе, буквально наводнившей городские улицы и окрестности. По специальному указанию предоставлялись автобусы с крупными предпринимателями Уфы для приезда зрителей из дальних и ближних районов республики — миф о чуде «Галии» должен поддерживаться постоянно! Ставка — на популярность «поющего» и играющего на гармошке актёра, который в этой сентиментальной инсценировке достигает генеральского чина. Не меньшего чина достиг он и в актерском звании, шагнул в

вернободанным, сыграло дело не лучшую роль. Плохую услугу оказали ему наши газеты, в том числе «Советская Башкирия», поднимая хвалебную шумиху вокруг каждого нового его творения. Ну, а такие профессиональные театроведы, как С. С. Свитов, усердствовали в этом деле елико возможно. Удивительно ли после этого, что художественный руководитель отторгает доморощенных драматургов, которые одним своим присутствием покушаются на устойчивость репертуара? А устойчивость эту создают такие пьесы, как «Галиябаку», «Голубая шель», «Позиционные деваши», восходящие к периоду молодости наших дедов и отцов. К ним прибавился спектакль «Асыляр», поставленный режиссером Г. Гилзевым. Прибавим все ту же «Галию». Все они держатся не на каких-то идеино-художественных достоинствах, а на развлекательности, музыке, танцах и плясках. Именно на них воспитывает театр своего зрителя в последние годы, их ежегодно вывозит на ответственные гастроли по стране. Не случайно, наверное, на гастроле в Казани зрители называли наши спектакли «концертами». В сущности, вот уже много лет происходит потакание невзыскательным вкусам. Не потому ли не удержались на сцене такие серьезные произведения Мустаа Карима, как «Не бросай огонь, Прометей» и «Кона диктатору»?

И еще приходит в голову такая мысль: если Рифката Вакиловича так уж привлекает прошлое, красота народной музыки, разве нельзя осуществлять хотя бы один фольклорный спектакль, глубоко отра-